

Великая греческая колонизация: итоги и перспективы

© 1995 г.

ХЕРСОНЕССКАЯ АРХАИКА

Изучение древнейшего (архаического) этапа истории Херсонеса сопряжено с определенными трудностями, связанными с довольно ограниченным кругом источников столь раннего времени для этого памятника. Как обычно – это керамические находки. Еще недавно они исчислялись в Херсонесе чуть более чем двумя десятками единиц, и все исторические построения о самой ранней колонизационной деятельности эллинов в этом регионе Таврики строились на анализе этих немногочисленных архаических черепков.

Незначительное количество архаических материалов из Херсонеса отличает его от других северопричерноморских античных памятников, где хорошо сохранились архаические слои. На наш взгляд, объяснение этому кроется в особенности геологического строения местности, в которой расположен Херсонес. Здесь не глинисто-песчаные грунты, хорошо сохраняющие материальные остатки, а твердые скальные породы. На них на одном и том же месте, да к тому же в течение более двух тысячелетий, происходила постоянная строительная деятельность, в результате которой при каждом новом строительстве почти полностью разрушались культурные отложения предшествующих периодов. Лишь только в естественных скальных углублениях могли сохраняться самые ранние материалы, но до недавнего времени эти углубления при археологических работах, как правило, не расчищались, и поэтому архаические черепки в Херсонесе были единичны.

Архаическая керамика в Херсонесе известна давно, но ее интерпретация различными авторами приводила, как правило, к диаметрально противоположным выводам – от полного отрицания существования архаического выселка на берегу Карантинной бухты до парадоксального утверждения об основании собственно Херсонеса еще в конце VI в. до н.э.

Появившиеся в результате археологических раскопок последних лет в Херсонесе новые материалы и прежде всего представительная группа черепков-остраконов с процарапанными на них именами позволили высказать гипотезу о дорийско-ионийском происхождении архаического поселения, предшествующего возникшему на том же месте, но почти на столетие позднее Херсонесу – колонии гераклеотов в Таврике¹.

Такая постановка проблемы требует специального выявления самых ранних херсонесских находок и детального изучения всего круга источников по древнейшему Херсонесу. Это касается в первую очередь керамики как наиболее массового археологического источника. К обозначенной категории материала, несомненно, принадлежат две группы многочисленных находок – амфорная керамическая тара архаического времени и столовая посуда, причем в основном ионийская так называемая "полосатая" керамика, с анализа которой мы и начнем.

Ионийская керамика. Исследователи Херсонеса давно обратили внимание на керамику, отличающуюся своеобразными формами, характером керамического теста и декором от основного массива находок античной столовой посуды из херсонесских

¹ Vinogradov Ju., Zolotarev M. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. P., 1990. P. 85-119.

слов. Эта керамика украшена орнаментом из широких концентрических полос, нанесенных красно-коричневым, а иногда почти черным густым лаком. В ряде случаев эти орнаментальные полосы подчеркнуты узкими накладными линиями пурпура или белой краски. На открытых сосудах этот орнамент из полос помещался как на внешней, так и на внутренней поверхностях, а на закрытых (в основном кувшинах), естественно, лишь на внешних стенках тулова сосудов. В литературе подобная столовая керамика получила название "ионийской", а иногда просто "полосатой" керамики.

Р.Х. Лепер в дневниковых записях о своих раскопках, проводившихся в 1908–1912 годах в основном в северо-восточном районе Херсонеса, указывает на находки своеобразных черепков, называя их "милетскими". Совершенно точно они были определены им как принадлежащие продукции ионийских керамических мастерских. Можно предположить, что, называя черепки "милетскими", Р.Х. Лепер вкладывал в такое определение временной смысл, связанный с архаическим Милетом. Службе Р.Х. Лепера в Херсонесе предшествовали годы его работы в качестве ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе. Нет сомнения, что по роду деятельности ему были хорошо известны результаты исследований немецких ученых в Ионии, и прежде всего в архаическом Милете, где "полосатая" керамика являлась массовым археологическим материалом. По всей вероятности, херсонесские находки ассоциировались у Р.Х. Лепера с его знаниями архаического Милета и повлияли на зафиксированное им в дневниках терминологическое определение ионийской керамики, появившейся впервые в его раскопках.

Найденные Р.Х. Лепером черепки были первыми находками ионийской посуды в Херсонесе и почти на столетия оставались чуть ли не единственным источником для различных гипотез о характере древнейшего херсонесского поселения. Опираясь на леперовские находки ионийских черепков, М.И. Ростовцев высказал мнение о том, что Херсонес был первоначально ионийской милетской колонией, основанной еще в VI в. до н.э.² Позднее он полагал, что после утраты Милетом своей главенствующей роли в Понтийском регионе здесь в конце V в. до н.э. на месте прежней ионийской была вновь основана теперь уже дорийская гераклейская колония³.

В 1927 г. К.Э. Гриневич исследовал оборонительные сооружения Херсонеса в юго-восточном районе города у 16-й куртины. В процессе раскопок была открыта сохранившаяся более чем на 30 м древнейшая оборонительная стена, сооружение которой автор раскопок относил еще к самому началу V в. до н.э. Основанием для столь ранней даты послужили находки нескольких краснофигурных и одного чернофигурного обломков, а также фрагмента ионийского сосуда⁴. Эти находки дополнили коллекцию херсонесской архаики и, казалось бы, окончательно должны были развеять сомнения о существовании на месте дорийского Херсонеса раннего укрепленного поселения. Однако этого не случилось.

Двумя годами позднее С.А. Жебелев вновь обратился к архаическим материалам из Херсонеса. Занимаясь проблемой возникновения Херсонеса, он подверг сомнению возможность использования археологических источников для обоснования даты создания ранней греческой апойки в Юго-Западной Таврике. Ссылаясь на малочисленность ионийских черепков (по его мнению, всего около десятка), С.А. Жебелев на первый план выдвинул письменные источники. Анализ текста перипла Пс.-Скимна, основанный на незначительной корректировке источника, привел его к ошибочной гипотезе о совместном участии Теоса (а не Делоса!) вместе с Гераклеей Понтийской в основании новой колонии в конце V в. до н.э. в Таврике⁵. Проигнорировав археоло-

² Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 80 сл.

³ Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 63.

⁴ Гриневич К.Э. Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой 1927 года // II конф. археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. С. 21–23.

⁵ Жебелев С.А. Возникновение Херсонеса Таврического // Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 79 сл.

гические источники, С.А. Жебелев вообще умолчал о дохерсонесском поселении, а стало быть, несколько искажено моделировал процесс исторического развития этого региона на ранних этапах античности.

Успешным шагом в изучении херсонесской коллекции ионийской керамики стала статья Г.Д. Белова "Ионийская керамика из Херсонеса"⁶. Построенная на изучении ионийской керамики, происходящей в основном из его собственных раскопок в северном районе города, эта работа впервые обратила внимание исследователей на столь важный источник по ранней истории Херсонеса. Находясь под влиянием господствовавшей в то время в науке так называемой "эмпориальной" теории развития северопричерноморских греческих полисов⁷, для объяснения появившихся разногласий автор вынужден был значительно (иногда более чем на сто лет) омолаживать даты бытования отдельных сосудов. Ионийская керамика, которую было совершенно невозможно отнести к позднеклассическому времени, объявлялась принадлежностью купцов, посещавших ионийскую торговую факторию, существовавшую согласно "эмпориальной" теории, на месте будущей гераклеийской колонии⁸. И все же несомненная заслуга Г.Д. Белова в том, что он впервые обратил внимание на существование в Херсонесе различных типов ионийской керамики, по его датировке первой половины V в. до н.э., и впервые поставил вопрос о массовости этой категории находок в херсонесских материалах.

Для использования ионийской керамики из Херсонеса как достоверного источника в изучении херсонесской архаики возникла необходимость провести специальное картографирование находок, разработать типологию и хронологически определить каждый из найденных в Херсонесе образцов ионийской керамики. С этой целью был составлен каталог, включавший всю имеющуюся информацию о каждой находке.

Были учтены фрагменты ионийской керамики из северо-восточного района Херсонеса, найденные при раскопках Р.Х. Лепера в начале нынешнего столетия и при наших исследованиях, проводимых здесь в 79–80-е годы. При этом учитывались только те фрагменты, которые дают возможность восстановления формы сосудов и надежно определяются как ионийская керамика. Всего учтено чуть более 200 экземпляров таких сосудов. Мелкие непрофилированные фрагменты ионийской керамики не учитывались. Однако общее число находок, включая и мелкие фрагменты стенок сосудов, отдельные мелкие обломки доньев, закраин, ручек и т.д., довольно значительно и составляет более трех с лишним сотен. Таким образом, ионийская керамика из Херсонеса может рассматриваться как массовый археологический материал и вместе с другими категориями находок архаического времени служит важнейшим источником для изучения раннего архаического поселения, предшествовавшего дорийскому Херсонесу.

Анализируя каталог ионийской керамики из Херсонеса, необходимо прежде всего отметить, что во всем массиве находок доминируют две группы сосудов. Это различные типы кувшинов и одноручные глубокие чаши-килики самых разнообразных размеров. К ним примыкает очень интересная группа ионийских лекан, точнее, в основном крышки от этих сосудов. В единичных экземплярах обнаружены другие типы сосудов.

Мы попытались в самом общем виде представить типологию ионийских кувшинов из Херсонеса. Основой для такой предварительной типологии послужили два главных элемента – характер керамического теста и форма горла сосуда. Ввиду малочисленности находок остальных профилированных частей использовать их в описании типов не представляется возможным, так как мы почти не знаем целых форм, а полное описание влечет за собой вероятность ошибок.

Тип 1. Достаточно крупные (предположительно до 20 см высотой) сосуды с округлым туловом и высоким почти прямым горлом. Цвет глины колеблется от бледно-крас-

⁶ Белов Г.Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. XIII. С. 17–26.

⁷ Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. 33. С. 15–17.

⁸ Белов: Ук. соч. С. 23.

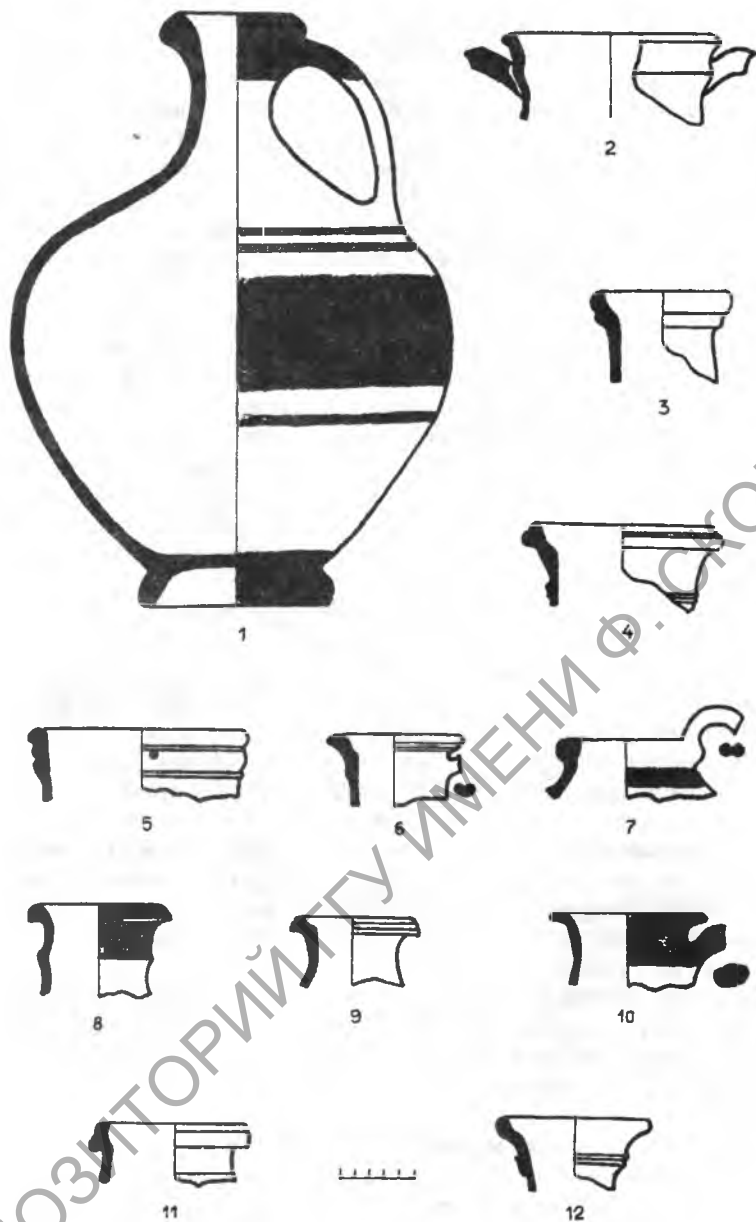

Рис. 1. Типы ионийских архаических кувшинов из Херсонеса

ного до светло-серого. Очень часто наружная поверхность покрыта светлым ангобом. На тулове располагается несколько кольцевых полос различной ширины, выполненных тусклым светло-коричневым лаком. В центре горловой части идет тонкое острое ребро, придающее горлу небольшую припухлость. Венчик обычно отогнут наружу, ручка уплощенная, прикреплена к горлу у ребра и маленькой петлей опускается на верхнюю часть тулова. Дно, вероятно, было на кольцевом поддоне (рис. 1, 2).

Тип II. Сосуды с округлым туловом и невысоким прямым широким горлом; тулово массивное, стенки тонкие. Глина различных оттенков светло-серого цвета, очень хорошего качества, почти без примесей. Наружная поверхность черепка ангоба не имеет,

остается в цвете глины, но хорошо обработана и тщательно заглажена. На горле, в нижней его части – у тулова сосуда и в верхней – у венчика, два или три круговых тонких рельефных валикообразных ремешка, подчеркивающих и украшающих горло. Слегка раструбовидный валикообразный закругленный венчик отогнут наружу и иногда нависает над горлом, а иногда почти горизонтален. Тулово украшено разными по ширине кольцевыми полосами, выполненными густым темно-коричневым, иногда почти черным лаком. Кольцевые полосы орнамента прорисованы тщательно и аккуратно. Очень часто они подчеркнуты тонкими линиями из пурпура и белой краски. Иногда, но очень редко встречаются дополнительные орнаменты из побегов листьев и плодов плюща (рис. 1, 3).

Tun III. Узкогорлые одноручные кувшины типа лагиноса. Тулово приземистое, широкое, дно на кольцевом поддоне большого диаметра. Горло узкое, прямое и высокое с валикообразным массивным венчиком. Ручка уплощенная профилированная в центре наружной стороны валиком. Ручка прикреплена под венчиком и в виде вытянутой петли опускается на тулово. Глина светло-палевая со слегка сероватым оттенком. Наружная поверхность сосудов покрыта густым светло-желтым ангобом. Ребро тулова украшено кольцевыми полосами разной ширины, выполненными жидким лаком различных оттенков – от красно-коричневого до почти черного цвета. Иногда на некоторых сосудах в верхней части тулова таким же лаком нанесены небольшие участки сетчатого орнамента (рис. 1, 10).

Tun IV. Его удалось выделить только по характерным признакам горловых частей. У этих кувшинов очень низкое горло с массивным жгутообразным венчиком, фактически являющимся горлом. Двуствольная ручка прикреплена к внутренней стороне венчика, довольно высоко поднимается петлей над горлом сосуда и опускается на его плечи. Глина бледно-красная, иногда с очень бледным светлым ангобом (рис. 1, 7).

Tun V. Массивные сосуды типа гидрии. Корпус слегка раздут и конусовидно сужается ко дну на кольцевом поддоне. У сосудов широкое прямое горло с отогнутым венчиком в виде валика. Две круглые в сечении боковые ручки расположены симметрично и прикреплены горизонтально одна против другой в центре тулова. От венчика на плечо сосуда плавно опускается уплощенная петлевидная ручка. Орнамент в виде зигзагообразных беспорядочных линий, выполненных лаком различных оттенков темно-красного цвета, украшает тулово сосуда. Глина бледно-красная, почти розовая; снаружи сосуд покрыт жидким светлым ангобом (рис. 2, 1).

Tun VI. Крупные кувшины (свыше 30 см высотой) с широким шаровидным корпусом и дном на высоком кольцевом поддоне. У кувшинов узкое высокое прямое горло и массивный отогнутый венчик в виде валика. Ручка слегка уплощена и в виде петли опускается на тулово. Глина светло-оранжевая со светлым ангобом на наружной поверхности (рис. 1, 1).

Нет сомнения, что типология ионийских кувшинов из Херсонеса не ограничивается лишь шестью приведенными выше типами сосудов. Она гораздо шире и разнообразнее, но имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют остановиться пока на фиксации только шести типов кувшинов. Важно другое – все эти сосуды изготавливались из почти идентичных по своему составу глин и, самое важное, были украшены орнаментальными круговыми полосами различной ширины, выполненными тусклым лаком различных оттенков – от бледно-красного до густого, насыщенного черного цвета.

Следующая и, пожалуй, наиболее многочисленная по количеству находок в Херсонесе группа ионийской керамики – одноручные или двуручные чаши-килики. Характер керамического теста, из которого изготовлены эти сосуды, совершенно не отличается от керамического теста кувшинов. Орнаментальные полосы выполнены таким же, как и на кувшинах, лаком того же качества и цветовых оттенков. Из множества находок ионийских киликов хорошо различаются три типа сосудов. Наиболее характерным отличительным признаком для каждого типа служит форма венчика сосуда.

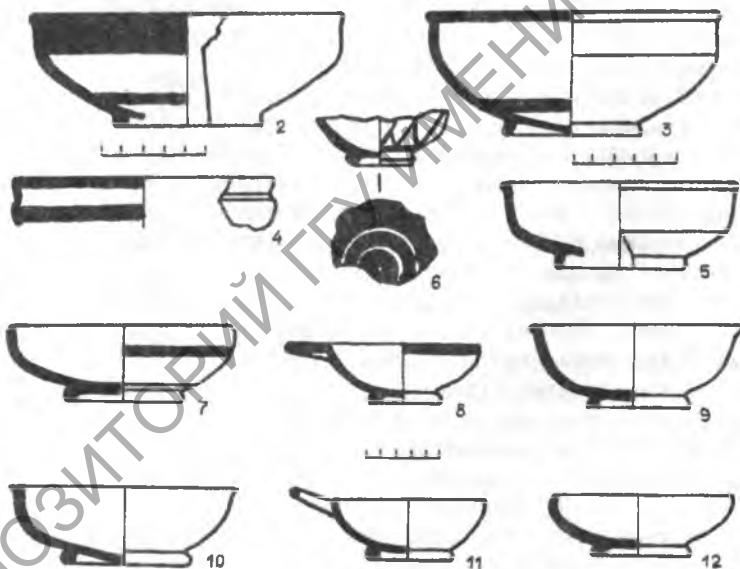
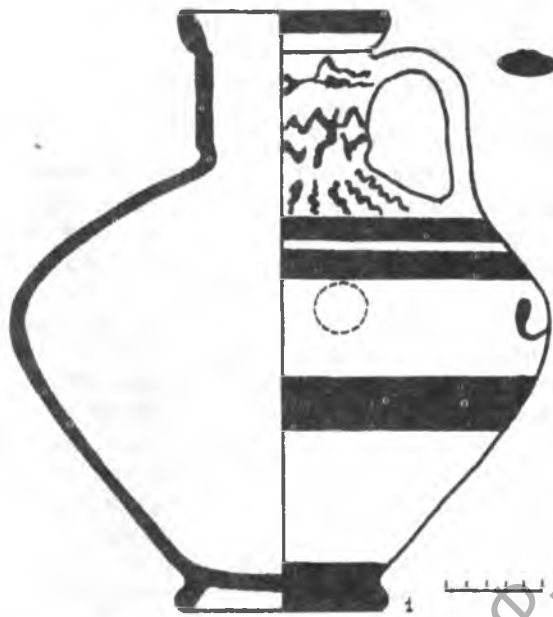

Рис. 2. Типы ионийских чаш-киликос

Тип I. Достаточно крупные чаши-киликос с относительно толстыми стенками и дном на массивном кольцевом основании. Стенки сосуда от дна плавно поднимаются, закругляясь к венчику. Скругленный венчик ничем, кроме орнаментальной полосы, не подчеркнут и загнут вовнутрь. Глина киликос от бледно-розовой до оранжево-красной. Кольцевые полосы орнамента выполнены красным или бледно-коричневым лаком различных оттенков и располагаются на внутренней части сосудов. Небольшая петлевидная ручка прикреплена горизонтально у самого венчика сосуда (рис. 2, 2-3).

Тип II. Небольшие изящные килики с тонкими скругленными стенками и низкой кольцевой подставкой дна. Верхняя часть стенок почти вертикальна относительно дна и венчика сосуда. Закраины подчеркнуты тонкой врезной линией и отогнуты наружу.

Прикрепленные горизонтально круглые в сечении ручки чуть приподняты над венчиком. Глина различных оттенков серых тонов, почти без примесей. Концентрические круговые полосы орнамента выполнены тусклым темно-коричневым, почти черным лаком. Иногда кольцевые полосы подчеркиваются тонкими линиями пурпура. Орнамент располагается в основном на внутренней поверхности сосудов, но иногда наносится и на внешней поверхности (рис. 2, 7–12).

Tun III. Тонкостенные килики со слегка раздутым туловом и высоким прямым венчиком. Кольцевая подставка дна имеет, как правило, сложную профилировку. Очень тонкие петлевидные горизонтально расположенные ручки прикреплены в нижней части венчика и приподняты над краем сосудов. Глина сосудов бледно-розовая очень хорошего качества. Тусклый черный лак полностью покрывает внутреннюю поверхность сосудов, а на внешней поверхности тем же лаком нанесены очень широкие кольцевые полосы. На внешней стороне тонкой линией белой краски и пурпура исполнены кольца орнамента. Иногда на внешней стороне киликов орнамент исполнен в виде правильных треугольников из тонких линий черного лака (рис. 2, 4, 6).

Говоря о датировке ионийской керамики из Херсонеса, необходимо прежде всего рассмотреть орнаменты на ней. Украшение сосудов орнаментальными полосами, выполненными различными по цветовой гамме оттенками лака, было характерно для продукции ионийских мастерских VI в. до н.э. Популярность орнаментов из концентрических полос была, видимо, настолько широка во всем античном мире, что этот декоративный прием украшения керамики был заимствован даже аттическими мастерами. Одна из групп аттических расписных амфор была так похожа по своему декору на ионийскую керамику, что долгое время вообще считалась восточногреческой керамикой VI в. до н.э. и потребовалось специальное исследование для доказательства ее аттического происхождения⁹.

В декоре ионийской столовой посуды второй половины VI в. до н.э. – начала V в. до н.э., несомненно, доминировали орнаменты из кольцевых полос, однако довольно часто встречаются и зигзагообразные и сетчатые орнаменты, кольцевые волнистые линии, причем они, как и на находках из Милета, украшают наиболее ранние сосуды еще второй половины – конца VI в. до н.э., встречающиеся в слоях Милета до разрушения его персами в 494 г. до н.э.¹⁰ Для хиосской керамики конца VI в. до н.э. было характерно украшение ручек сосудов (очень часто двухствольных) параллельными горизонтальными мазками лака¹¹. Этот же прием мы встречаем и на херсонесских находках. Но все же основным элементом являются чередующиеся концентрические круговые полосы различной ширины, украшающие как внешнюю поверхность, так и внутреннюю (для открытых сосудов) сторону изделий. В целом орнаменты на херсонесских находках ионийской керамики совершенно идентичны орнаментам на восточногреческой керамике, найденной в других регионах античного мира, как по технике нанесения рисунка, так и по качеству лака, что характерно для конца VI – начала V в. до н.э. Формы ионийских сосудов из Херсонеса также весьма типичны для восточногреческой керамики. Ранние образцы кувшинов находят аналогии среди материалов Милета еще VI в. до н.э.¹², хотя бытуют, несомненно, и в несколько более позднее время.

Наиболее ранние образцы среди многочисленных херсонесских находок чашкиков восточногреческого производства принадлежат тонкостенным сосудам с высоким тонким венчиком и припухлым туловом. Они широко известны среди находок из раскопок на о-вах Хиос и Самос, в Милете, на североионийском малоазийском

⁹ Connor P.J. Attic Neck Amphorae Decorated with Black Bands // AA. 1978. № 2. P. 273–281.

¹⁰ Kleine J. Milet, Südschnitt. 1968–1973 // IstMit. 1979. V. 29. S. 135, 149. Abb. 50. Taf. 21, 2.

¹¹ Williams D. Aegina, Aphaia-Tempel. V. The Pottery from Chios // AA. 1983. № 2. P. 170–172. Fig. 12, 65–72. Fig. 13, 83, 84.

¹² Schiering W. Milet: Eine Erweiterung der Grabung östlich des Athenatempels // IstMit. 1979. 29. S. 106 f. Taf. 25.

побережье, на Родосе и даже на Кипре¹³. Обычно подобные восточногреческие находки датируются третьей – серединой последней четверти VI в. до н.э.¹⁴ К этому же времени относятся и единичные образцы наиболее ранних одноручных чаш, причем как первого, так и второго типа по нашей классификации. Опираясь на датировки многочисленных находок этого типа чаш из раскопок в Милете и Дидимах, где эта керамика не только является массовой, но и прекрасно фиксируется по стратиграфическим горизонтам и слоям, удается достаточно точно установить дату бытования наиболее ранних сосудов, которая приходится на последнюю четверть VI в. до н.э., но не позднее, вероятно, времени персидского разрушения Милета¹⁵. Во всяком случае, в более поздних слоях, перекрывающих слой разгрома Милета персами, этот тип сосудов отсутствует – ему на смену приходят новые варианты чаш, которые обнаружены в Херсонесе в единичных экземплярах и по милетским находкам датируются в пределах второй четверти V в. до н.э.¹⁶

Есть основания полагать, что одно время восточногреческие одноручные чаши с полосами были весьма популярны в античном мире. Среди материалов раскопок афинской агоры известна обширная группа одноручных чаш, украшенных полосами¹⁷. Морфология форм и орнаментальный декор этих чаш настолько точно копируют восточногреческую керамику, что позволяют высказать предположение о заимствовании аттическими мастерами этой формы и манеры украшения сосудов круговыми полосами лака из восточноэллинских полисов. Мода на восточногреческие керамические традиции продержалась, вероятно, в античном обществе не очень долго. Судя по датировкам одноручных чаш с полосами из Афин, они составляли достаточно компактную группу, бытовавшую в хронологическом отрезке около 70 лет – с 520 по 450 г. до н.э.¹⁸

В херсонесской восточногреческой керамике присутствует группа хиосских кубков с белой обмазкой и лаковидными полосами поверх нее. Ранние формы этих кубков датируются второй половиной VI в. до н.э., но херсонесские экземпляры, судя по пропорциям сосудов, датируются не ранее конца VI в., а может быть, и первыми годами V в. до н.э.¹⁹ Хиосские кубки из двух других крупнейших северопричерноморских центров – Ольвии и Пантикапея – датируются тем же временем, что и херсонесские находки²⁰.

Прочие формы ионийской керамики, например светильники открытого типа или экзотичные для Херсонеса, но традиционные для других центров, в частности Ольвии, самосские кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой²¹, датируются последней четвертью VI – началом V в. до н.э.²²

Завершая характеристику восточногреческой керамики из Херсонеса, отметим, что многочисленные находки ее в древнейших слоях позволяют считать ионийскую керамику массовым археологическим источником для Херсонеса. Надежные датировки этой категории находок последней четвертью VI – второй четвертью V в. до н.э.

¹³ *Walter-Karydi E. Ostgriechische Keramik. Alt-Ägina. V. II–I. Mainz am Rhein, 1982. S.9.*

¹⁴ *Graeve von V. Milet-1963 // IstMit. 1974. 23–24. S. 86 f. Taf. 25. № 66–73; Walter-Karydi. Op. cit. S. 13. № 55–57.*

¹⁵ *Kleiner G., Müller-Wiener W. Die Grabung in Milet im Herbst 1959 // IstMit. 1979. 29. S. 50, 75, 76. Taf. 21, 4. Abb. 7; Tuchelt K. Didyma 1972–73 // IstMit. 1973–1974. S. 150. Taf. 49, 15–18.*

¹⁶ *Müller-Wiener W., Graeve von V., Günter W., Pfommer M., Weber B. Milet 1983–1984 // IstMit. 1985. 35. S. 52. Taf. 14, 1, 2. Abb. 3.*

¹⁷ *Sparkes B., Talcott L. Black and Plain Pottery of 6-th, 5-th, and 4-th Centuries B.C. // The Athenian Agora. 1970. V. XII. Pt. 2. P. 30. 724–743.*

¹⁸ *Ibid. Pt. 1. P. 125 f.*

¹⁹ *Boardman J. Excavations in Chios, 1952–1955 // Greek Emporio. Oxf., 1967. P. 157–161.*

²⁰ *Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1963. 103. С. 121. Рис. 7, 7; Зайцева К.И. Кубки V–IV вв. до н.э. из Ольвии // ТГЭ. XIII. 1972. С. 90 с. Рис. 1, 2.*

²¹ *Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 55 сл.*

²² *Она же. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // ТОАМ. I. 1945. С. 137 сл.*

делают ее важнейшим аргументом для установления хронологических реперов при изучении древнейшего поселения на месте будущего дорийского Херсонеса.

Архаические амфоры. В археологических комплексах античных поселений архаического времени находки керамической тары составляют едва ли не самую многочисленную группу. Как показывает изучение архаических поселений Северо-Западного Причерноморья, именно амфоры преобладают в комплексах находок этих памятников. Так, в Нижнем Побужье они составляют до 80% всех керамических находок²³, а в Нижнем Поднестровье на их долю приходится около 70% всего керамического комплекса²⁴.

До недавнего времени в Херсонесе находки архаических амфор известны не были, однако раскопки в северо-восточном районе города эту ситуацию изменили. В настоящий момент мы имеем многие десятки хорошо документированных фрагментов лесбосских и протофасосских, самосских и хиосских амфор, архаических амфор с так называемыми "стаканообразными" доньями и др. (рис. 3). Среди всего этого многообразия амфорных находок доминируют фрагменты хиосской тары.

Исследование хиосских амфор с момента несомненной локализации места их производства в 30-е годы²⁵ и до настоящего времени достигло значительных успехов, что связано с разработкой типологии хиосской тары и определением хронологии различных типов сосудов. Если первоначально типология и хронология амфор Хиоса были весьма общи и охватывали широкие временные рамки²⁶, то одна из последних классификаций грешит излишней, мало обоснованной дробностью типов и вследствие этого неизбежными ошибками в их датировках²⁷. На наш взгляд, наиболее правомерна точка зрения В. Грейс и И.Б. Брашинского, согласно которой сосуды с воронкообразным горлом датируются второй половиной VI в. до н.э., пухлогорлые амфоры – началом V в. до н.э. (до 480 г.), амфоры с перехватом горловой части – не позднее середины V в. до н.э. и, наконец, пухлогорлые амфоры с прямыми стенками нижней части горла – третьей четвертью V в. до н.э.²⁸ Найденные в Херсонесе фрагменты хиосских амфор, судя по профилированным частям, относятся ко второму и третьему типам, датировки которых не выходят за рамки середины V в. до н.э. Многочисленные находки хиосской керамической тары, синхронные образцам из Херсонеса, характерны для большинства античных памятников обширных областей Причерноморья, как северной²⁹, так и западной³⁰ и восточной³¹ его частей. За пределами Понтийского региона аналогичные хиосские пухлогорлые амфоры найдены при раскопках афинского некрополя³², закрытых комплексах позднеархаического времени афинской агоры³³ и в архаических слоях Милета³⁴. Подчеркнем еще раз, что

²³ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б. и др. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 58.

²⁴ Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. Киев, 1990. С. 19.

²⁵ Граков Б.Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI–IV вв. до н.э. // ИГАИМК. 1935. 108. С. 178.

²⁶ Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. 83. С. 74–77.

²⁷ Рубан В.В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (По материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 99–110.

²⁸ Grace V. Amphoras and Ancient Wine Trade // Excavations of the Athenian Agora (Picture Book, № 6). Princeton – New Jersey, 1961. Fig. 48; Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V – III вв. до н.э. Л., 1980. С. 15–17; Mattingly G. The Chian Coinage and Chian Standards // JHS. 1981. 101. P. 78.

²⁹ Например, для Ольвии: Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981. С. 56.

³⁰ Лазаров М. Торговля на Хиос със западнопонтийските градове // Известия на народния музей Варна. 1982. 18/33. С. 5–14.

³¹ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 38 сл. Табл. 58.

³² Например, детское погребение № 144 совершено в хиосской пухлогорлой амфоре, датирующейся 490–480 гг. до н.э. См. Schlöhr-Vierneisel B. Eridanos-Nekropole // AM. 1966. 81. S. 27. Taf. 23, 3.

³³ Roberts S.R. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit in the Athenian Agora // Hesperia. 1986. 55. № 1.

³⁴ Kleiner, Müller-Wiener. Die Grabung in Milet im Herbst 1959. S. 72–74. Taf. 15, 2.

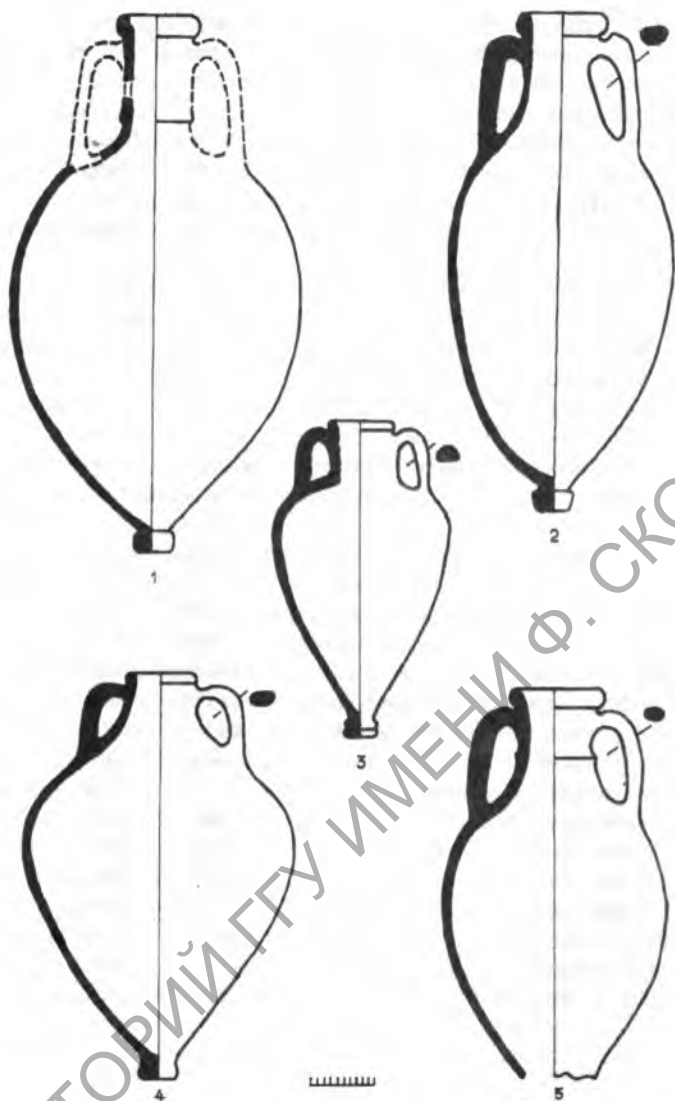

Рис. 3. Архаические амфоры из Херсонеса

во всех известных нам случаях находок хиосских пухлогорлых амфор время бытования второго и третьего типа сосудов, как и в архаическом Херсонесе, ограничивается первой половиной V в. до н.э.

Вслед за хиосскими по количеству находок в Херсонесе идут амфоры, изготовленные на о-ве Самос, которые представлены не только фрагментами, но и целыми экземплярами, найденными в древнейшем некрополе, о котором речь пойдет ниже. Сопоставление изображений амфор на серебряных самосских монетах с формой целых сосудов позволили И.Б. Брашинскому³⁵, а чуть позднее В. Грейс³⁶ выделить определенный тип самосских амфор второй четверти V в. до н.э.³⁷ Специальное исследование профилированных частей самосских амфор, найденных при раскопках Фанагории, дало

³⁵ Брашинский И.Б. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом // КСИА. 1967. 109. С. 23. Рис. 2.

³⁶ Grave V. Samian Amphoras // Hesperia. 1971. XL. № 1. P. 75-77.

³⁷ Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 30. Табл. II, I.

возможность для разработки предварительной классификации сосудов³⁸. Пропорции херсонесских находок самосской тары и сопоставление с фанагорийскими экземплярами позволяют относить их к сосудам первой половины V в. до н.э. Кроме Северного Причерноморья самосские амфоры аналогичной формы найдены на южном карийско-ионийском побережье³⁹, в Северной Ионии⁴⁰ и слое пожара начала V в. до н.э. в Дидимах⁴¹. Не исключено, что некоторые типы амфор Самоса в действительности были продукцией архаического Милета⁴². Для нас, однако, важно то, что датировки самосской керамической тары из Херсонеса не выходят за пределы первой половины V в. до н.э.

Весьма распространенной формой архаической керамической тары были красноглиняные сосуды, названные И.Б. Зеест амфорами со "стаканообразными" доньями⁴³. Попытка В.В. Рубана идентифицировать амфоры этого типа с продукцией аттических керамических мастерских⁴⁴ была подвергнута резкой критике⁴⁵, как будто правильно воспринятой автором такой локализации⁴⁶. Многочисленные находки подобной керамики в Ольвии терминологически определяются их исследователем как амфоры с усеченно-конусовидными ножками неизвестных центров и считаются подражанием лесбосским амфорам⁴⁷. Иногда эти амфоры исследователи прямо называют лесбосскими⁴⁸.

В Херсонесе найдены фрагменты венчиков и донья этих сосудов, но особый интерес представляет целая амфора из светло-оранжевой глины с утраченным дном, найденная в архаической яме, заполненной материалами конца VI – первой четверти V в. до н.э.⁴⁹ На горле амфоры под венчиком оттиснуты маленькое энглифическое колечко и вертикальная черточка, повторенные рядом зеркально. Сопоставление профилированных частей амфор со "стаканообразными" доньями из Херсонеса со сходными элементами аналогичных сосудов из находок на памятниках Нижнего Побужья показало, что они находят самые близкие параллели в типе 2 этих амфор второй половины VI – первой половины V в. до н.э.⁵⁰ Вероятно, именно первой половиной V в. до н.э. должны датироваться находки этого типа архаических амфор из Херсонеса.

В фондах Херсонесского заповедника наше внимание привлекла целая амфора с невысоким горлом, округлыми широкими плечами, уплощенными короткими ручками и низкой ножкой с широким поддоном (инв. № 519 ВФ). Амфора изготовлена из красновато-коричневой глины с частицами извести и множества блесток слюды. Сопоставление состава керамического теста, форма сосуда и параметры позволяют считать, что перед нами амфора Эгины, полностью соответствующая посуду из

³⁸ Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. 1992. № 3. С. 40–56.

³⁹ Voigtländer W. Umriss eines vor- and frühgeschichtlichen Zentrums an der karisch-ionischen Küste // AA. 1986. S. 659–100; *idem*. Akbuk-Teichussa // AA. 1988. S. 610–619. № 35–39.

⁴⁰ Doger E. Premieres remarques sur les amphores de Clazomènes // BCH. Suppl. XIII. 1986. P. 468 suiv. Fig. 14.

⁴¹ Naumann R., Tuchelt K. Die Ausgrabung im Südwesten des Tempels von Didyma 1962 // IstMit. 1963–1964. 13–14. S. 53. № 50–51; Schattner T. Die Fundkeramik Didyma 1985–1986 // AA. 1989. № 2. S. 202–204.

⁴² Dupon P. Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros. Rapport préliminaire // Dacia. 1983. XXVII. № 1–2. P. 34.

⁴³ Зеест. Ук. соч. С. 74. Табл. III, 9.

⁴⁴ Рубан В.В. О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 106–108.

⁴⁵ Брагинский И.Б. К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканообразными доньями // КСИА. 1993. 174. С. 8–10.

⁴⁶ Рубан В.В. О хронологии красноглиняных амфор с коническими ножками VII–V вв. до н.э. // КСИА. 1990. 197. С. 13.

⁴⁷ Лейпунская. Ук. соч. С. 53 сл.

⁴⁸ Clinkenbeard B.G. Lesbian and Thasian Wine Amphoras: Questions Concerning Collaboration // BCH. Suppl. XIII. 1986. P. 353–355. Fig. 3, 2; 4, 3.

⁴⁹ Инв. № 8/37174. Найдена в 1989 г. в северо-восточном районе Херсонеса.

⁵⁰ Рубан. О хронологии красноглиняных амфор... С. 17 сл. Тип 2.

комплекса, датируемого до 490 г. до н.э., опубликованному И.Б. Брашинским вслед за В. Грейс⁵¹. Кроме целой амфоры в Херсонесе найдено еще несколько профилированных частей сосудов этого типа, и прежде всего почти целое амфорное горло.

Локализация места изготовления находок этого типа керамической тары из Северного Причерноморья как продукции Эгины принадлежит И.Б. Брашинскому⁵². Находки эгинских амфор пока крайне редки. Кроме опубликованных ранее нескольких фрагментов из Ольвии нам известна целая амфора из Милета, которая аналогична херсонесскому экземпляру и датируется временем персидского разгрома города⁵³.

Еще одна небольшая целая архаическая амфора конической формы, с припухлыми плечами, высоким горлом и уплощенными ручками хранится в фондах Херсонесского заповедника. Ножка опоясана вогнутым пояском и срезана снизу. Слюдянистая кирпично-красная глина сосуда содержит небольшие примеси белых частиц и снаружи покрыта светлым заглаженным ангобом. Местом изготовления амфоры был один из ионийских центров, производивших керамическую тару в конце VI – начале V в. до н.э.⁵⁴

Завершая описание амфор архаического времени из Херсонеса, специально подчеркнем, что все найденные здесь типы часто встречаются вместе с характерным архаическим материалом на большинстве северопричерноморских памятников в городских слоях, земляночных жилищах, хозяйственных ямах и некрополях.

Упомянув погребения, обратимся к материалам херсонесского некрополя. Древнейший его участок впервые был открыт в северном районе города⁵⁵. Картографирование погребений конца V–IV в. до н.э. в остальных частях некрополя позволило определить его топографию для классического времени – он простирался с северо-запада на юго-восток за пределами древней городской оборонительной стены. При этом как будто не было выявлено ни одного погребения, принадлежащего поселению предшествовавшему дорийскому Херсонесу⁵⁶. Однако при детальном анализе инвентаря погребений удалось обнаружить три целых архаических амфоры, использованных как урны для детских захоронений⁵⁷. Сосуды, незначительно отличающиеся один от другого параметрами, принадлежат к одному типу самосских амфор, датирующихся в пределах первой – второй четверти V в. до н.э.⁵⁸

Трудно предположить, что более столетия самосские амфоры "ждали" своей участи быть использованными в качестве урн для погребения херсонесских младенцев в конце V в. до н.э. на некрополе новой гераклейской колонии. Скорее всего, эти погребения были совершены еще в начале столетия, когда амфоры были в обиходе, и они связаны с позднеархаическим и раннеклассическим поселением на берегу Карантинной бухты. Топографически все три погребения в амфорах располагались компактно на морском берегу чуть севернее бывшей монастырской купальни, близко примыкали к северо-восточному району города – месту массовых находок архаического материала в Херсонесе – и вполне могли быть принадлежностью позднеархаического некрополя.

Эти первые погребения некрополя хронологически совпадают с началом образования археологического слоя на поселении, когда после основания поселения проходит

⁵¹ Брашинский. Методы исследования античной торговли. С. 42.

⁵² Брашинский И.Б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. 1963. 95. С. 20–24.

⁵³ Voigtlander W. Grabung westlich des Buleuterion. Milet 1980 // IstMit. 1981. 31. S. 123–126. Abb. 14, 3.

⁵⁴ Лейтунская Н.А. Керамика // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 95 сл. Табл. 34, 2.

⁵⁵ Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, 1938. С. 163–195; Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI // МИА. 1953. 34. С. 33–39; Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XII // Там же. С. 109 сл.

⁵⁶ Зедгендзе А.А., Савеля О.Я. Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. // КСИА. 1981. 168. С. 5.

⁵⁷ Приношу свою искреннюю благодарность Г.И. Жестковой, предоставившей информацию об этих сосудах.

⁵⁸ См., например, Брашинский. Греческий керамический импорт... С. 15. Табл. I, 1; VII, 1.

25–30 лет – время жизни примерно одного поколения колонистов⁵⁹. Приведенный выше анализ находок массового археологического материала – архаических амфор и ионийской столовой посуды – вместе с опубликованными ранее экземплярами аттического чернофигурного импорта⁶⁰, представленного в основном фрагментами киликов круга мастера Хаймон и лекифами мастерской Бельдам, датирующихся концом VI – первой четвертью V в. до н.э.⁶¹, показывает, что именно к этому времени относится образование археологического слоя на поселении, как и появление первых погребений его некрополя.

Основание поселения, судя по специальному исследованию древнейшей находки здесь – крышки чернофигурной беотийской леканы, произошло в последней четверти VI в. до н.э. и на 25–30 лет предшествовало образованию слоя на поселении и появлению первых погребений на некрополе⁶².

Ранее уже была высказана гипотеза о том, что выведение новой апойкии в Юго-Западной Таврике являлось совместной акцией дорийцев-гераклеотов и ионийцев из Синопы. Специальный анализ имен, прочерченных на позднеархаических херсонесских остраконах, проведенный Ю.Г. Виноградовым, показал, что имена разделяются на три неравнозначные по количеству группы: 1) имена дорийского происхождения, составляющие основную массу, 2) имена, уходящие своими корнями в Ионию 3) амбивалентные имена⁶³. Среди большинства дорийских имен граждан молодого северопричерноморского полиса преобладают имена с фессалийско-беотийскими истоками⁶⁴. Говоря о беотийских корнях многих имен на херсонесских черепках, необходимо обратиться к начальным этапам жизни Гераклеи Понтийской – метрополии Херсонеса. В настоящий момент все без исключения исследователи единодушно сходятся в том, что Гераклея Понтийская была основана в 554 г. до н.э. Проанализировав письменные источники и эпиграфические свидетельства, Д. Ашерри пришел к выводу о том, что выведение новой колонии на южный берег Понта было совместной акцией Беотийского союза и Мегар⁶⁵. Особая роль, по всей видимости, отводилась при основании новой колонии беотийцами⁶⁶, которым, вероятно, принадлежала инициатива в основании города⁶⁷, в то время как основную массу переселенцев составляли мегарцы⁶⁸. Беотийцы, принадлежащие в метрополии к богатой родовой знати и составившие незначительную часть колонистов, явились родоначальниками аристократических семей Гераклеи, ведущих свое начало еще от момента основания города⁶⁹. Видимо, не случайно божественным покровителем нового полиса был выбран Геракл,

⁵⁹ Vinogradov Ju., Domanskiĭ Ja., Marčenko K. Sources ecrites et archéologiques du Pont Nord-Ouest. Analyse comparative // *Le Pont-Euxin vu par les Grecs*. P. 128–130.

⁶⁰ Vinogradov, Zolotarev. Op. cit. Pl. 7.

⁶¹ Boardman J. Schwarzfigurige Vasen aus Athen. Mainz, 1977. S. 257.

⁶² Zolotarev M. Sur la chronologie de la Chersonèse antique. Simposium de Vani. Septembre 1990 (в печати).

Недавно С.Ю. Сапрыкин высказал сомнение относительно существования ранней апойкии на месте дорийского Херсонеса: *Saprykin S.J. Khersonesos Taurike: New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea // The Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times*. V. I. Amsterdam, 1991. P. 229–244. Однако сколько-нибудь убедительных доказательств приведено не было. Более того, складывается впечатление, что сам С.Ю. Сапрыкин не вполне уверен в своих сомнениях и колеблется, заявляя в одном случае, что ранний Херсонес был основан в VI в. только гераклеотами (с. 231), в другом – утверждает, что эта акция ионийцев-оливкополитов (с. 233), а чуть ниже вообще отрицает существование ранней апойкии (с. 234). Надеюсь, что публикуемые материалы помогут сформировать бесспорно однозначное мнение.

⁶³ Vinogradov, Zolotarev. Op. cit. P. 94–101.

⁶⁴ Ibid. Supplement. № 4, 5, 7, 10, 14.

⁶⁵ Asheri D. Über die Frühgeschichte von Heraklea Pontike // *Ergänzungsbande zu den Tituli Asiae Minoris*. № 5. Wien, 1972. S. 12.

⁶⁶ Birstein S. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraklea on the Black Sea. Berkeley – Los Angeles – London, 1976. P. 12.

⁶⁷ Ibid. P. 15.

⁶⁸ Asheri. Op. cit. S. 27.

⁶⁹ Ibid.

культ которого в Мегаре не засвидетельствован, но которой особо почитался в Беотии⁷⁰. Таким образом, можно утверждать, что гераклейская знать, занимавшая весьма прочные позиции в полисе со времени его основания в середине VI в. до н.э., вела свое происхождение из Беотии.

Наши источники по Херсонесу весьма немногочисленны, чтобы говорить о социальном составе первых колонистов, отправившихся в последней четверти VI в. из Южного Понта к северным его берегам в Таврику. И все же довольно значительный по количеству состав дорийских имен на херсонесских остраконах позволяет предположить, что гераклеоты составляли, по всей вероятности, основной по сравнению с синопейцами контингент первопоселенцев молодого таврического полиса. В свою очередь, те гераклеоты-колонисты, которые являлись носителями имен с фессалийско-беотийскими корнями, могли быть представителями гераклейской родовой аристократии, предпринявшими наряду с остальными рядовыми гражданами опасное предприятие по основанию на противоположном берегу Понта новой апойкии. Не исключено, что они же были родоначальниками херсонесских аристократических семей.

Основание новой колонии в Таврике происходит практически в одно и то же время с созданием Каллатиса – еще одной апойкии гераклеотов, но уже на западном берегу Понта⁷¹. Выведение новых колоний на Понте для самой Гераклеи Понтийской снимало социальную напряженность, вызванную поражением демократии в полисе, и решало, пусть и не полностью, земельную проблему⁷². Кроме того, равноудаленные от метрополии Каллатис на северо-западе и древнейший Херсонес в Таврике обладали прекрасными портами, что создавало предпосылки для успешной организации торговли и контроля Гераклеей Понтийской морских коммуникаций всей западной половины Понта. Торговая активность гераклеотов несколько позднее, в IV–III вв. до н.э., – факт, известный достаточно хорошо.

М.И. Золотарев

ARCHAIC FINDS FROM CHERSONESUS

M.I. Zolotarev

The article is devoted to the analysis of the archaeological material from the excavations of the ancient layers of Tauric Chersonesus. The author analyzes the Ionian pottery classifying it according to the types of vessels. It is stressed that shapes of Ionian vessels from Chersonesus are typical of the eastern Greek ceramics of the 6th-4th c. B.C. Chian amphorae from the Chersonesian finds are dated to the first half of the 5th c. B.C. The first burials of the Chersonesian necropolis coincide with the formation of the archaeological layer. The new materials enable the author to assert that an earlier settlement which came into being in the late 6th c. B.C. existed on the site of Chersonesus founded in the last quarter of the 5th c. B.C. according to the traditional point of view.

⁷⁰ Сапрыкин С.Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 39.

⁷¹ Preda C. Callatis. București, 1968 P. 3–4.

⁷² Фролов Э.Д. Тирания в Гераклее Понтийской // АМА. 1974. 2. С. 125 сл.